

Прекариат в условиях пандемии: новые тенденции, традиционное содержание, некоторые европейские практики

Шамахов В. А.¹, Межевич Н. М.², *

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

²Институт Европы Российской академии наук, Москва, Российская Федерация; *mez13@mail.ru

РЕФЕРАТ

Эволюция социальной структуры общества в развитых странах показывает, что так называемый средний класс, наличие которого считается основной гарантией стабильного социального, экономического, политического развития, находится под угрозой. Эпидемия и пандемия не создали принципиально новых рисков, но существенно обострили традиционные. Фактически эпидемия выступила катализатором и ускорила негативные, но достаточно известные процессы. Мировой опыт социальной политики, европейские практики регулирования «эффективность vs равенство» имеют большое значение для России.

Ключевые слова: прекариат, пандемия, мировая экономика, средний класс, эпидемия, цифровизация, безработица

Для цитирования: Шамахов В. А., Межевич Н. М. Прекариат в условиях пандемии: новые тенденции, традиционное содержание, некоторые европейские практики // Управленческое консультирование. 2021. № 2. С. 10–17.

Precariate in Pandemic Conditions: New Trends, Traditional Content, Some European Practices

Vladimir A. Shamakhov¹, Nikolay M. Mezhevich², *

¹Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation

²Institute of Europe of Russian Academy of Sciences; Moscow, Russian Federation; *mez13@mail.ru

ABSTRACT

The evolution of the social structure of society in developed countries shows that the so-called middle class, whose existence is considered the main guarantee of stable social, economic, political development, is under threat. The epidemic and pandemic did not create fundamentally new risks, but significantly exacerbated traditional ones. In fact, the epidemic acted as a catalyst and accelerated negative, but fairly well-known processes. World experience of social policy, European regulatory practices “efficiency vs equality” is of great importance to Russia.

Keywords: precariate, pandemic, world economy, middle class, epidemic, digitalization, unemployment

For citing: Shamakhov V. A., Mezhevich N. M. Precariate in Pandemic Conditions: New Trends, Traditional Content, Some European Practices // Administrative consulting. 2021. N 2. P. 10–17.

Вопросы прекариата заслуживают академического и экспертного внимания достаточно давно, однако текущая пандемия заставляет нас еще раз взглянуть на традиционные признаки прекариата, а также выявить новые тенденции развития уже

не нового явления. Мировой и, прежде всего, европейский опыт для нас крайне важен. Прекариатизация труда как тенденция появилась не в России и не в России стала одним из факторов существенного, но постепенного изменения социальной структуры [10]. Европейские практики являются для нас определяющими для анализа. Это объясняется тем, что мы существенно отстаем в развитии данных тенденций, что следует признать достижением, а не проблемой.

Падение уровня жизни и рост социальной несправедливости становится очевидным для политического и экспертного сообщества. Однако реакция на это уже очевидное явление различна. Андрей Себрант, директор по стратегическому маркетингу «Яндекса», пишет, что средний класс, видимо, просто вымрет, потому что 90% того, что он сейчас делает, алгоритмы делают гораздо лучше. Мнение хорошее только потому, что честное. В настоящее время цифровизация замещает рабочие места именно среднего класса, а не корректирует показатели занятости малоквалифицированных кадров. Цифровой программный комплекс — вещь не дешевая, вытеснить условного «доставщика пиццы» не сможет. А как будет устроен мир, в котором нет среднего класса?¹ На это директор «Яндекса», разумеется, не отвечает. Сегодня «наемных работников систематически ставят во все более уязвимое положение — под предлогом того, что это необходимая жертва ради сохранения капиталовложений и рабочих мест» [15]. Однако на самом деле «в то самое время, когда от синих воротничков требовали увеличения нормы выработки и массово увольняли сотрудников, почти во всех крупных фирмах стало намного больше бессмысленных управленческих и административных должностей» [4, с. 53]. Текущий момент заключается в том, что все признают проблемы, но очевидно желание условно «высших» переложить все издержки на условно «средних». Переложить издержки на доставщиков пиццы невозможно.

Тенденции разрастания прекариата как относительно нового класса имеют масштабные и многоуровневые предпосылки. Значительная часть этих предпосылок лежит в сфере мировой экономики. Наблюдаемые изменения, рост дисбалансов в политической, финансовой, демографической, энергетической, коммуникационных и прочих сферах с все возрастающей очевидностью дают понять: мир на пороге нового переустройства. Модель его будущего функционирования зависит от множества факторов, она еще до конца не «прорисована» и сейчас находится в стадии активного обсуждения [16; 17]. Эпидемия и пандемия актуализировали данный вопрос. Еще раз подчеркнем: перед нами не новое явление, а известное и изученное.

Аналогично развивается ситуация в современной мировой экономике. Практически все характеристики ключевых процессов, используемые для анализа современной ситуации, уже были в новой или новейшей истории с той или иной степенью подобия. Даже сочетания этих факторов демонстрируют не только новизну, но и следование давним традициям. Относительно новые вызовы влияют на традиционную природу кризиса, но не отменяют ее в принципе. В этом контексте задача данной статьи показать, что ничего принципиально нового в глобальной экономике и в мировом развитии в целом не происходит. Однако в данный текущий момент мы видим некоторую интенсификацию традиционных процессов, что делает соблазнительной попытку найти какую-то принципиальную непредсказуемость глобального развития.

Согласимся с мнением профессора Григорьева: «Мировая рецессия — также результат первой волны и карантин — это „рецессия потребления богатых“».

¹ Андрей Себрант: «Средний класс просто вымрет, потому что 90% того, что он сейчас делает, алгоритмы делают гораздо лучше» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.goethe.de/prj/one/ru/lin/22053788.html>

Если стадионы, пивные и промтоварные магазины были закрыты для всех слоев общества (с переходом на ТВ и покупки по интернету), то в сфере туризма, развлечений, ресторанов, естественно, доминируют состоятельные слои. Сокращение их платежей обрушило часть торговли, авиационное сообщение и работу курортов»¹.

Однако в дальнейшем снижение экономической активности перешло от нескольких отраслей мировой экономики ко всем ключевым секторам, затронуло малый и средний бизнес, бедных во всех странах.

У авторов нет никакого желания и возможностей давать прогноз эпидемиологической ситуации. Мы исходим из того, что в любом случае ситуация с коронавирусом уже стала фактором развития, которое может быть разнонаправленным. В ближайшие десятилетия мировая экономика будет проходить через обострение всех проблем, существовавших до пандемии. Пандемия ускорит превращение «просто проблем» в серьезные вызовы, стоящие перед обществом и экономикой.

В ответ на риск для жизни, вызванный распространением вируса COVID-19, правительства законодательно приняли полное или частичное закрытие деловых операций, что вызвало резкий шок для экономики, общества и рынков труда. Многие компании закрыли свои физические офисы и столкнулись с ограничениями при личном ведении дел. Начиная с середины марта и к середине апреля почти 55% экономик (около 100 стран) ввели закрытие рабочих мест, что затронуло все, кроме основных предприятий² (вероятно, имеются в виду производства жизнеобеспечения).

Вместе с тем подчеркнем еще раз, что последствия эпидемии и пандемии — частный случай общих проблем. Масштаб их справедливо подчеркнул А. Б. Чубайс: «Если посмотреть ситуацию в целом в треугольнике большом — власть, бизнес и общество, — мне она кажется удивительно гармоничной. Гармоничной в том смысле, что власть недолюбливает общество и не любит бизнес, общество явно не любит и терпеть не может бизнес, бизнес с недоверием относится к власти, а что такое общество, вообще не понимает»³. Однако только ли о России говорит А. Б. Чубайс? Думается, что нет, скорее этот тезис относится ко всем развитым странам, т. е. «дожившим» до возникновения среднего класса. Перед нами системный кризис большого географического охвата [8].

На наших глазах, причем достаточно быстро, происходит возвращение тех ключевых проблем мироустройства, которые вызвали более ста лет назад революционные изменения. Вспомним о том, что коммунистическая идеология и практика (как пример и образец) сделали возможным эффективную эволюцию социальной и экономической политики в тех странах, где сами коммунистические идеи остались уделом абсолютного меньшинства. Пролетариат получил экономические и социальные права в обмен на лояльность капиталистическим правилам игры [9]. Так возникли социально ориентированная экономическая политика, введение прогрессивной шкалы налогообложения, сокращение разрыва между бедными и богатыми, создание системы защиты социально-экономических прав трудящихся, ограничение

¹ Григорьев Л. Вторая волна пандемии: что это значит для мировой экономики [Электронный ресурс]. URL : <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/vtoraya-volna-pandemii-chto-eto-znachit/> 18.09.2020.

² The Future of Jobs Report [Электронный ресурс]. URL : 2020 <https://www.weforum.org/reports/the-future-of-jobs-report-2020>.

³ Чубайс заявил о необходимости сказать «спасибо» российскому бизнесу [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/08/12/2018/5c0bae669a79471a147bf008> 08.12.18.

рабочей недели, всеобщее бесплатное образование и здравоохранение, государственные пособия по безработице и инвалидности и т. д.

Классический капитализм, как и «западные стандарты потребления», сформировался уже после Второй мировой войны. «Принцип социальной рыночной экономики, закрепленный в договорах ЕС, остается рамочным элементом Европейской социальной модели, т. е. объединенной, комбинированной системы экономического развития, которая была построена в основном после окончания Второй мировой войны, а также безопасности и социального прогресса, на котором базировался значительный успех, достигнутый этой системой в целом» [11, с. 25]. Итак, классический капитализм получил мощные стимулы обновления, реализовавшиеся уже после Второй мировой войны. Возможно ли повторение этого опыта? Вопрос важен в связи с тем, что опыт оказался достаточно кровавым. Однако без этого не сложилась бы модель общества всеобщего благосостояния. «Фольксваген» у всех предполагает возможность «Мерседеса» у избранных и «Майбаха» в эксклюзиве. Выпадение первого символа неизбежно создаст проблемы у держателей более высоких статусов [12, с. 108]. Ранее этот вопрос обсуждался, но дискуссия казалась скорее теоретической, чем имеющей отношение к практике. К тому же любая западная модель «по умолчанию» казалась лучше позднесоветских практик и дикого рынка 90-х.

До Первой мировой войны цель была законсервировать неравенство, которое существовало между богатыми и бедными. Никто не думал о том, что нужно создавать какой-то средний класс, да и понятия этого не было. Потребовались революции в России и Германии, а затем и Вторая мировая война для того, чтобы все или почти все поняли, что существует предел неравенства. «Еще один важный урок западного либерализма, проигнорированный современными российскими либералами, касается проблемы равенства» [13, с. 16]. Классическая либеральная идеология у Людвиг Эрхарда была выписана в книге «Благосостояние для всех». В свое время она стала революционной, но не в смысле «грабь награбленное», что важно для нашей дискуссии. На предложенной после войны модели социального государства состоялась Германия, и долгое время это была ключевая часть программы ХДС/ХСС! Ситуация после Второй мировой войны качественно изменилась. Однако оказалось, что «труд» сыграл вничью с «капиталом» лишь до середины 90-х годов прошлого века.

Российские либералы, как, впрочем, либералы всех постсоциалистических стран, демонтировали трудовое законодательство и систему социальной защиты в своих странах. «Российские радикал-либералы, единодушно осудив искусственное уравнительство социалистической системы, противопоставили ему в качестве образцовой идею „равенства стартовых возможностей“, провозгласившую любое государственное вмешательство, направленное на „выравнивание“ условий существования индивидуумов, порочным и антилиберальным» [13, с. 16]. Укажем на то, что это написано известнейшим советским и российским американистом В. В. Согриним четверть века назад.

Отсутствие равных или даже близких к равным возможностей привело к тому, что за последнее десятилетие существенно выросла доля людей, вынужденных соглашаться на временную работу или на условия неполной занятости без каких-либо социальных гарантий [7]. Разумеется, предлагается объяснение — борьба за экономическую эффективность. Этим объясняют снижение налогов на капитал, чтобы якобы стимулировать инвестиции и создание новых рабочих мест. Эта же борьба за эффективность приводила к ограничению трудовых прав.

«Честная оплата за честный труд» — эта формула всегда была основой северной и германской моделей общественного развития. Но работает ли она сегодня в Германии и Скандинавии? Сформулируем иначе: в какой степени это характерно для Европы в целом? Существуют различные мнения по этому вопросу.

С одной стороны, «сближение двух групп стран ЕС по уровню душевого дохода после „великой рецессии“ продолжается, но много медленнее, чем до нее. Показатели социального неравенства в Европейском союзе почти не менялись в прошедшее десятилетие. Высокие подоходные налоги обеспечивают перераспределение доходов, что обуславливает сравнительно низкое неравенство в странах ЕС (особенно в странах Скандинавии и Словении). И все же доступные статистические данные по структуре потребления по слоям общества указывают на большие разрывы в реальном благосостоянии, что в последние годы выливается в социальные и электоральные проблемы внутри вполне развитых стран Европы»¹. Интересно и то, что у людей не только отнимают право на квалифицированный труд, но активно и успешно их дезинформируют: «три четверти граждан Европейского союза, который по образу жизни является мировой сверхдержавой, уверены, что для их рабочих мест новые технологии являются благом. Две трети утверждают, что новые технологии благотворно влияют на общество и еще больше улучшают качество жизни»². Все это очень напоминает оптимизм Чемберлена, заявившего в лондонском аэропорту после заключения мюнхенского договора: «Я привез вам мир».

Впрочем, в профессиональных кругах более популярна иная версия. «При внимательном рассмотрении ситуации становится очевидным, что все вызовы, перед которыми стоит сегодня Евросоюз, напрямую связаны с социальным измерением. Речь идет о потребности в устойчивом развитии и стабильности, необходимости решения миграционного вопроса, деbüroкратизации управления, борьбе с коррупцией. А это означает, что жизненно необходимые Европе реформы следует осуществлять не сверху, а через усиление активности гражданских сообществ и повышение ответственности социальных партнеров. Социальная интеграция должна если не обгонять, то занять хотя бы равноценное место, наряду с выполнением финансово-экономических задач. Однако государства-члены явно демонстрируют разность своих национальных интересов и намерений. Об этом свидетельствуют меры, принимаемые ими в одностороннем порядке» [6, с. 178].

Европейская социальная модель еще работает, но сдает свои позиции повсеместно, даже в самых богатых странах. Доля прекарно занятых начинает преобладать, а средние доходы условных «детей» ниже, чем у условных «родителей», разумеется, с учетом изменения структуры потребления и инфляции. Деградация происходит на уровне институтов. Хотя для всех экономик фактором роста по-прежнему служат капитал (в настоящее время в широкой трактовке — с учетом человеческого и природного) и научно-технологические улучшения, возможность воплотить имеющийся потенциал в реальный рост в значительной степени определяется именно институциональной средой³. Социальный капитал как академическая категория измерим лишь в контексте занятости. Безработица превращает социальный капитал в потенциальный, т. е. такой, который может стать фактором общественного развития, но может и не стать. Профессиональные способности человека могут быть весьма значительными, но для безработного и для общества это недоказуемая величина.

Разумеется, мы учитываем относительность всех наблюдаемых явлений и разделяем «гипотезу относительного дохода» Дж. Дьюзенберри. Действительно, текущие потребительские расходы домашнего хозяйства определяются не только его

¹ Неравенство в потреблении домохозяйств стран ЕС // Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. Бюллетень о текущих тенденциях мировой экономики. Март 2020. С. 2.

² Доклад о мировом развитии. Изменение характера труда // Международный банк реконструкции и развития. Всемирный банк, 2019. С. 2.

³ Григорьев Л. М., Макарова Е. А. Норма накопления и экономический рост: сдвиги после Великой рецессии [Электронный ресурс]. URL: <https://mpira.ub.uni-muenchen.de/102524/>. MPRA Paper N 102524, posted 20 Aug 2020.

абсолютным текущим доходом, но и средним доходом того социального слоя, к которому оно принадлежит. В свою очередь, полезность от потребления прямо зависит от текущих расходов индивида и обратно — от текущих потребительских расходов типичного представителя его окружения [1, с. 51]. Впрочем, и это теоретическое положение, подтверждаемое социологическими опросами, говорит о том, что перед нами относительная бедность, бедность ожиданий.

На относительность экономических показателей указывает и профессор Р. И. Капелюшников: «...структура распределения доходов, которую они (Ф. Новокмет, Т. Пикетти и Г. Зюкман — Авт.) фиксируют для России, является статистическим артефактом, имеющим отдаленное отношение к реальности. Разработанный ими алгоритм расчетов строится с использованием множества умолчаний, домысливаний, счетных аномалий, устранение которых приблизило бы их результаты к результатам других исследований» [5, с. 99]. Дискурсивность тех или иных показателей не отрицает того очевидного факта, что именно «труд является важной (для большинства, возможно, ключевой) сферой в жизни человека. Потеря рабочего места означает снижение дохода, а потому воспринимается индивидом как экзистенциальная проблема, которая негативно отражается на его субъективном благополучии. Страх безработицы заставляет людей соглашаться на снижение зарплаток и ухудшение условий труда, увеличение рабочего времени и даже перемену места жительства» [3, с. 136]. При этом «лишь небольшая часть мировой рабочей силы вовлечена в официальный наемный труд, а после кризиса 2008 г. это число еще уменьшилось. Наиболее очевидные симптомы этого растущего избытка населения отразились в долгосрочных изменениях статистики безработицы» [14, с. 134]. Впрочем, безработица — не более чем один из наиболее очевидных признаков общего кризиса. Проблема в том, что этот традиционный индикатор очень плохо характеризует характер современного труда и тем более общественной жизни. По умолчанию предполагается, что меняются формы труда, причем возвращаются, казалось бы, архаичные модели. Работа «поденщика» относилась к самым неквалифицированным, нерегулярным и незащищенным видам труда. Такая работа сопровождалась и совместным проживанием, правда тогда коммунальная квартира еще не называлось «коливингом».

* * *

В академической литературе и экспертном сообществе по инерции продолжается дискуссия относительно самого понятия «государства всеобщего благосостояния». Впрочем, само продолжение дискуссии показывает то, что теперь речь идет о новом содержании дискуссии. Речь уже идет не о доказательстве возможности всеобщего благосостояния, а о попытках доказательства того, что проблема прекариата — частный случай доказательства данного тезиса.

Джон Вейт-Уилсон пишет о том, что нет общепринятого определения welfare state, и вообще сам термин практически лишен смысла [2]. Действительно, вызовы для экономики, формально привязанные к эпидемии, — хороший повод для восстановления национальных суверенитетов. Глобализация инициировала появление таких институтов управления, которые на определенном этапе стали работать в собственной логике, а не выстраиваясь в традиционные модели управления. При этом проявления глобального регулирования могут превратиться в масштабные региональные проблемы. К примеру, уже доказана определенная связь между прекариатизацией и правым радикализмом [18].

Баланс между гибкостью рынка труда и неустойчивостью занятости с целью снижения ее негативных эффектов может быть найден только через новую социальную политику. Чтобы помочь среднему классу, правительствам стран необходимо улучшить их доступ к качественным государственным услугам и обе-

спечить им лучшую социальную защиту. Относится ли эта задача к российским социальным практикам? К сожалению, да. Это обстоятельство будет определять специфику не только экономической, но и политической жизни в России в ближайшие годы. Пандемия актуализировала все проблемы прекариата, показала их масштаб и задала лимит времени на принятие ключевых государственных решений.

Литература

1. Антипина О. Н. Этические аспекты экономической теории счастья // *Общественные науки и современность*. 2021. № 1. С. 48–62.
2. Вейт-Уилсон Дж. Государство благосостояния: проблема в самом понятии // *Pro et Contra*. 2001. Т. 6. № 3. С. 128–157.
3. Гоффе Н. В., Монусова Г. А. Восприятие социальных реалий и субъективное благополучие в развитых странах. М. : ИМЭМО РАН, 2020.
4. Гребер Д. Бредовая работа. Трактат о распространении бессмысленного труда. М. : Ад Маргинем Пресс, 2020.
5. Капелюшников Р. И. Команда Т. Пикетти о неравенстве в России: коллекция статистических артефактов // *Вопросы экономики*. 2020. № 4. С. 67–106.
6. Каргалова М. Трансформация мира труда в условиях цифровой экономики // *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. 2018. № 2. С. 174–179.
7. Коллинз Р. Средний класс без работы // *Есть ли будущее у капитализма?* М. : Издательство института Гайдара, 2015.
8. Коуэн Т. Среднего более не дано: Как выйти из эпохи Великой стагнации / пер. с англ. А. Матвеевко. М. : Изд-во Института Гайдара, 2015.
9. Межевич Н. М. Социал-демократия на постсоветском пространстве: опыт государств Прибалтики // *Современная социал-демократия: идеология и политическая практика : сборник научных статей конференции* / под ред. Р. С. Гринберга, С. Г. Арбузова. М. : Институт экономики РАН, 2017.
10. *Прекариат: становление нового класса: (коллективная монография)* / под ред. Ж. Т. Тощенко. М. : Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2020.
11. Риччери М. Социальная рыночная экономика: принцип общественного блага как движущий элемент всеобщего прогресса // *Современная социал-демократия: идеология и политическая практика : сборник научных статей конференции* / под ред. Р. С. Гринберга, С. Г. Арбузова. М. : Институт экономики РАН, 2017.
12. *Современная социал-демократия: идеология и политическая практика : сборник научных статей конференции* / под ред. Р. С. Гринберга, С. Г. Арбузова. М. : Институт экономики РАН, 2017.
13. Согрин В. В. Либерализм в России: перипетии и перспективы // *Общественные науки и современность*. 1997. № 1. С. 13–23.
14. Срничек Н., Уильямс А. Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда / пер. с англ. М. : Strelka Press, 2019.
15. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М. : Ад Маргинем Пресс, 2014.
16. Шамахов В. А. Проблема прекариата — вызов для России и Европы в условиях кризиса // *Управленческое консультирование*. 2020. № 4. С. 10–19.
17. Шамахов В. А., Межевич Н. М. Тенденции развития в глобальной экономике как предпосылка для изменений на рынке труда // *Управленческое консультирование*. 2019. № 5. С. 9–17.
18. Шапаров А., Синькова Е. Демаргинализация правого радикализма в европейском политическом процессе // *Современная Европа*. 2020. № 5. С. 182–192.

Об авторах:

Шамахов Владимир Александрович, директор Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, кандидат исторических наук, профессор; shamakhov-va@ranepa.ru

Межевич Николай Маратович, главный научный сотрудник Института Европы РАН (Москва, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; mez13@mail.ru

References

1. Antipina O.N. Ethical aspects of the economic theory of happiness // Social sciences and modernity [Obshchestvennye nauki i sovremennost']. 2021. N 1. P. 48–62. (In Rus)
2. Veit-Wilson J. States of Welfare: A Conceptual Challenge // Pro et Contra. 2001. V. 6. N 3. P. 128–157. (In Rus)
3. Goffe N.V., Monusova G.A. Perception of social realities and subjective well-being in developed countries. M.: IMEMO RAS, 2020. (In Rus)
4. Graeber D. On Phenomenon of Bullshit Jobs. M.: Ad Marginem Press, 2020. (In Rus)
5. Kapelyushnikov R.I. T. Piketty's team on inequality in Russia: a collection of statistical artifacts // Economic issues [Voprosy ekonomiki]. 2020. N 4. P. 67–106. (In Rus)
6. Kargalova M. Transformation of the world of work in the digital economy // Scientific and Analytical Bulletin of the IE RAS [Nauchno-analiticheskii vestnik IE RAN]. 2018. N 2. P. 174–179. (In Rus)
7. Collins R. Middle class without a job // Does capitalism have a future? M.: Gaidar Institute Publishing House, 2015. (In Rus)
8. Cowen T. Average Is Over. Powering America Beyond The Age Of The Great Stagnation / translation from English A. Matveenko. M.: Gaidar Institute Publishing House, 2015. (In Rus)
9. Mezhevich N.M. Social-democracy in the post-Soviet space: experience of the Baltic states // Modern social-democracy: ideology and political practice: a collection of scientific articles of the conference / edited by R.S. Greenberg, S.G. Arbuzov. M.: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2017. (In Rus)
10. Precariate: the formation of a new class: (collective monograph) /ed. Zh.T. Toshchenko. M.: Center for Social Forecasting and Marketing, 2020. (In Rus)
11. Riccero M. Social market economy: the principle of the public good as the driving element of universal progress // Modern social democracy: ideology and political practice: a collection of scientific articles of the conference / edited by R.S. Greenberg, S.G. Arbuzov. M.: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2017. (In Rus)
12. Modern Social Democracy: ideology and political practice: a collection of scientific articles of the conference / edited by R.S. Greenberg, S.G. Arbuzov. M.: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2017. (In Rus)
13. Sogrin V.V. Liberalism in Russia: peripheries and prospects // Social sciences and modernity [Obshchestvennye nauki i sovremennost']. 1997. N 1. P. 13–23. (In Rus)
14. Srnichek N., Williams A. Inventing the future: post-capitalism and the world without difficulty / translation from English M.: Strelka Press, 2019. (In Rus)
15. Standing G. Precariate: a new dangerous class. M.: Ad Marginem Press, 2014. (In Rus)
16. Shamakhov V.A. The problem of the precariate is a challenge for Russia and Europe in a crisis // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2020. N 4. P. 10–19. (In Rus)
17. Shamakhov V.A., Mezhevich N.M. Development trends in the global economy as a prerequisite for changes in the labor market // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2019. N 5. P. 9–17. (In Rus)
18. Shaparov A., Sinkova E. Demarginalization of right-wing radicalism in the European political process // Modern Europe [Sovremennaya Evropa]. 2020. N 5. P. 182–192. (In Rus)

About the authors:

Vladimir A. Shamakhov, Director of North-West Institute of Management of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), PhD in History, Professor; shamakhov-va@ranepa.ru

Nikolay M. Mezhevich, Chief Researcher of Institute of Europe of RAS (Moscow, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor; mez13@mail.ru